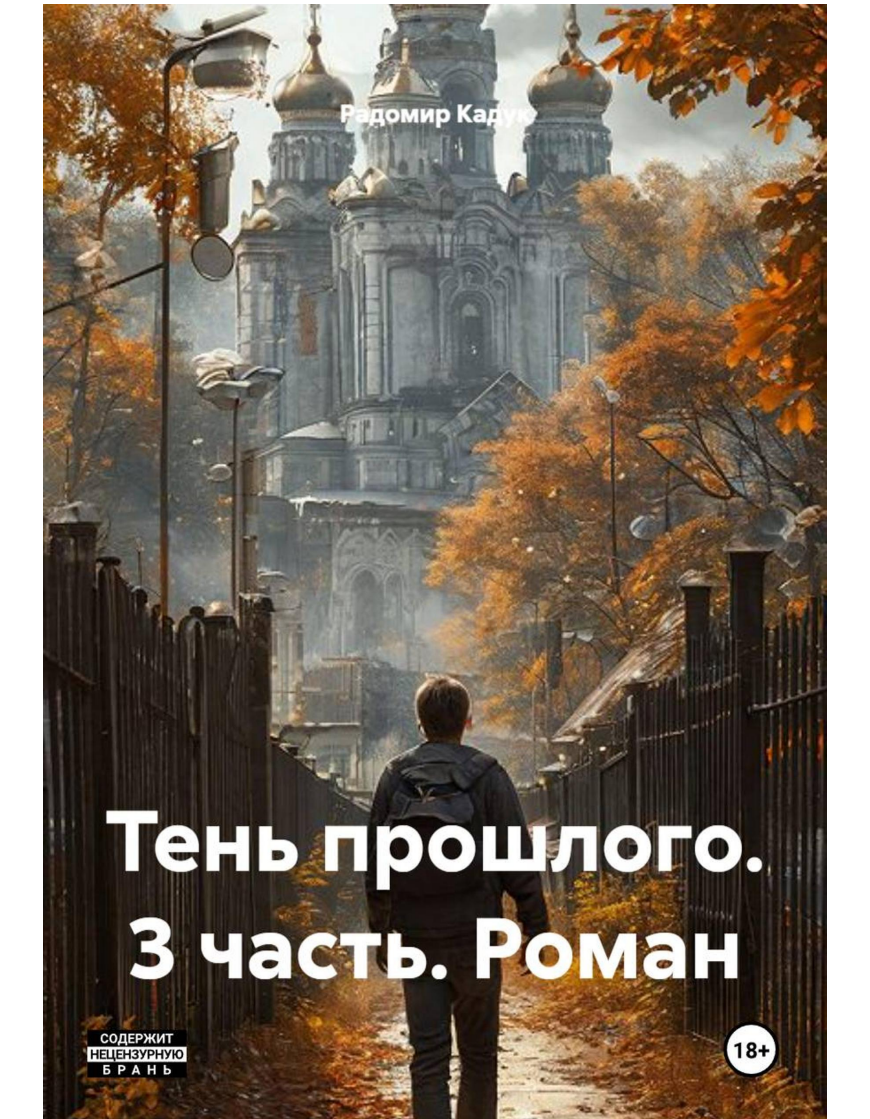

Радомир Кадук

Тень прошлого. 3 часть. Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Радомир Кадук

Тень прошлого. 3 часть. Роман

<https://litres.ru/74334038>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третья часть захватывающей саги о братьях Марке и Никите. После череды трагедий — гибели друга, предательства, потери дома — Марк принимает самое трудное решение: он уходит из Тулы, чтобы оградить близких от банды и загадочного Синдиката. Сменив имя, он пытается начать всё заново в Твери, учится водить, мечтает о юридическом колледже и тихой жизни. Но прошлое не отпускает: брат, отец и бабушка не перестают его искать, а в семье происходят чудесные и горькие перемены — рождаются близнецы, появляются новые родственники, и тень матери Елены, пожертвовавшей собой ради детей, навсегда меняет их судьбу. Сможет ли Марк обрести себя, простить и быть прощённым? Или цена свободы окажется слишком высокой? Пронзительная история о боли, одиночестве, прощении и силе семейных уз, о том, что даже в самой кромешной тьме всегда есть место надежде и новому рассвету.

Содержание

Приветственное слово автора	4
Глава 1. Никита уезжает в Минск	6
Глава 2. Голос в трубке	16
Глава 3. Следствие и прощение	23
Глава 4. Луч рассвета	30
Глава 5. Возвращение домой	37
Глава 6. Исповедь отца	44
Глава 7. Голос из темноты	50
Глава 8. Ловушка для ловушки	57
Глава 9. Доверие проверенным	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Радомир Кадук

Тень прошлого.

3 часть. Роман

Приветственное слово автора

Дорогой читатель!

Прежде чем ты погрузишься в эту историю, я хочу сказать несколько важных слов.

Все имена, фамилии, отчества, названия организаций, улиц, городов и любых других упоминаемых объектов являются вымышленными или использованы в художественном контексте. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реально существующими организациями и учреждениями случайны и непреднамеренны.

В тексте встречаются сцены, которые могут показаться жестокими или шокирующими: смерть персонажей, насилие, болезни, физические травмы. Я не стремлюсь эпатировать читателя или обесценивать человеческую жизнь. Напротив — через эти испытания я показываю, как герои находят в себе силы не сломаться, как они учатся прощать и любить вопреки всему. Боль и потеря — часть нашего мира, и я не хочу притворяться, что их не существует. Но в моей

истории даже самая глубокая тьма отступает перед светом, который несут любовь, верность и семья.

Что касается нецензурной лексики, которая встречается в диалогах, — она использована исключительно для достоверности речи персонажей в моменты сильного эмоционального напряжения. Это не самоцель, а способ передать их состояние, когда обычные слова бессильны. Я прошу отнестись к этому с пониманием.

Болезни, описанные в книге (в частности, астма главного героя), также являются художественным приёмом. Они подчёркивают уязвимость персонажа, его борьбу не только с внешними врагами, но и с собственным телом, и делают его победы ещё более значимыми.

Эта история — о том, как важно не сдаваться. О том, что даже в самые тёмные времена есть место надежде. О том, что настоящая сила — не в кулаках и оружии, а в умении любить, прощать и быть рядом с теми, кто тебе дорог.

Я благодарю тебя, что открыл эту книгу. Пусть она подарит тебе не только переживания, но и веру в то, что любой рассвет стоит той ночи, которая ему предшествует.

С теплом к каждому читателю, Автор

Глава 1. Никита уезжает в Минск

Утро 11 октября выдалось хмурым и зябким. Серое небо тяжело нависало над Тулой, и мелкий, колючий дождь барабанил по подоконникам, заставляя стёкла вздрагивать. Марк проснулся задолго до будильника — где-то в половине шестого, когда за окнами ещё стояла непроглядная темень. Он лежал на своей узкой кровати, прижимая к груди старую гитару, которую когда-то привёз из Москвы, и чувствовал, как внутри разрастается глухая, липкая пустота.

Сегодня уезжал Никита.

Марк перевернулся на спину и уставился в потолок, где плясали серые тени от уличных фонарей. Он знал, что брат прав. Никита заслуживает собственной жизни, собственной семьи, собственного счастья. Аня ждала его в Минске, у них должен был родиться ребёнок, и это было правильно. По-человечески правильно. Но от этого знания внутри не становилось теплее — только острее, больнее, словно кто-то снова вонзил нож в его левый глаз.

Он сел на кровати, провёл ладонью по повязке, закрывающей пустую глазницу. Шрамы на руках и лице всё ещё саднили — напоминание о пожаре, о предательстве Серёжи, о

том, как легко рушится всё, что ты строил. Но сегодня боль была не физической. Она была глубже, там, где живёт душа.

Внизу, на кухне, уже зажгли свет. Марк слышал, как бабушка Вера гремит посудой, как шипит на плите сковорода, как тихо, почти беззвучно, она напевает что-то грустное — старую песню, которую когда-то пела его матери. Он натянул свитер, сунул ноги в растоптанные кроссовки и спустился вниз.

На кухне пахло блинами, топлёным маслом и мятным чаем. Бабушка стояла у плиты, поправляя седую прядь, выбившуюся из-под платка. Никита уже сидел за столом — бледный, осунувшийся после ранения, но с твёрдым взглядом. Рядом с ним лежал потёртый рюкзак, и на стуле висела куртка, которую Аня подарила ему на прошлой неделе.

— Доброе утро, брат, — сказал Никита, и голос его был тихим, но ровным.

— Доброе, — ответил Марк, садясь напротив. Он взял кружку с чаем, согревая ладони, и посмотрел на брата. — Ты уверен, что хочешь уехать? В Минск?

Никита чуть улыбнулся, но улыбка вышла печальной.

— Да, уверен. Я хочу обучиться, стать экономистом. У меня есть небольшой опыт, и Аня обещала помочь с документами. К тому же... я хочу быть рядом, когда родится ребёнок. Я хочу дать ему то, чего у нас с тобой никогда не было.

Марк опустил взгляд в кружку.

— Нормальная семья, — тихо закончил он. — Понимаю.

— Не обижайся, Марк, — Никита накрыл его руку своей. — Это не значит, что я бросаю тебя. Мы будем созваниваться каждый день. Я приеду, как только смогу. А ты... ты должен жить своей жизнью. У тебя есть Лена, есть Коля и Егор. Ты не один.

— Я знаю, — сказал Марк, но в голосе его не было уверенности. — Просто... я очень переживаю за разделение. Мы столько прошли вместе, а теперь ты уезжаешь. У меня приключения — полные штаны каждый раз. И каждый раз ты, брат, спасаешь меня.

Никита покачал головой.

— Ты сам научился спасать себя, Марк. Ты сильнее, чем думаешь.

— А Серёжа? — вдруг спросил Марк. — Ты не боишься, что он встал на тёмный путь? Что он когда-нибудь найдёт нас?

Никита помрачнел. Он отвёл взгляд, и его пальцы на мгновение сжались в кулак.

— Я думал, он твой лучший друг. Что он ценит тебя. Но я ошибся. Я уехал в Тулу, чтобы забыть то, что было в Москве, чтобы быть просто человеком — без героизма, без вечной борьбы. И я никому не сказал, куда мы направляемся, чтобы никто не поехал за нами. Но он всё равно нашёл.

— Это моя вина, брат, — сказал Марк, и голос его дрогнул. — Нужно было забрать Серёжу к себе. Он был один, он страдал, а мы просто уехали. Он чувствовал себя преданным. Сейчас у тебя рана, здание «Империи» разрушено, у меня... у меня один глаз. Я про себя не скажу — я, наверное, заслужил, что жизнь так со мной обошлась. Но ты не заслуживаешь этого. Ты должен быть счастлив.

Никита поднялся, обошёл стол и присел рядом с братом, обняв его за плечи.

— Никто не заслуживает такой жизни, Марк. И ты в том числе. Мы оба прошли через ад, но мы живы. А жить — зна-

чит двигаться дальше. Я уезжаю, но я всегда буду рядом. Ты слышишь? Всегда.

Марк кивнул, прижимаясь к брату, и почувствовал, как по щеке скатилась предательская слеза. Он не хотел плакать, не хотел показывать слабость, но тело жило своей жизнью.

На вокзале былолюдно. Пассажиры сновали туда-сюда, тащили чемоданы, смеялись, ругались. Где-то объявляли отправление, и гулкий голос диктора разносился под высокими сводами. Но для братьев существовал только этот миг — последние минуты перед долгой разлукой.

Марк стоял на перроне, сжимая руку Никиты. Рядом, чуть поодаль, стояла бабушка Вера. Она улыбалась, но глаза её были влажными.

— Брат, прости меня... — начал Марк, но голос сорвался, и он разрыдался, как годовалый ребёнок, которого оставляют в незнакомом месте. Он прижимался к Никите, цеплялся за его куртку, не в силах отпустить. — Ты не представляешь, как я боюсь остаться один! Я буду скучать по тебе так сильно...

Никита гладил его по голове, чувствуя, как его собственное горло сдавливает спазмами.

— Ты справишься, Марк. Ты всегда справлялся. А я буду названивать тебе каждый вечер. И если у нас родится сын, я назову его в честь дедушки — Виктором. А если дочка — Еленой, как наша мама. Чтобы они знали: мы помним. Мы любим.

Марк поднял заплаканное лицо, и в его единственном глазу мелькнула горькая, но благодарная улыбка.

— Обещаешь?

— Обещаю, — твёрдо сказал Никита. — Звони всегда. Приезжай всегда. До скорого, мой старший, мой самый любимый брат.

Поезд медленно тронулся, сначала едва заметно, потом всё быстрее. Никита стоял у открытого окна, высунувшись наружу, и махал рукой. Бабушка Вера плакала, прижимая к губам платок. А Марк... Марк побежал. Он бежал по перрону, потом по шпалам, спотыкаясь о камни, падая, разбивая колени в кровь, но не останавливаясь. Он кричал что-то бессвязное, слёзы заливали лицо, смешиваясь с холодным дождём, и ветер рвал его слова, разнося их по полям.

Он остановился только тогда, когда поезд скрылся за го-

ризонтом, оставив после себя лишь две стальные нити, уходящие в никуда. Марк стоял на коленях посреди мокрой травы, тяжело дыша, чувствуя, как в груди начинает свистеть астма. Он сунул руку в карман, нашёл ингалятор, сделал два глубоких вдоха и долго сидел так, приходя в себя.

— Прощай, мой младший брат, — прошептал он в пустоту. — Пусть у тебя наладится хоть что-то в этой жизни. Я буду скучать по тебе очень-очень сильно.

Он поднялся, отряхнул колени и побрёл обратно в город. Дорога была длинной, и холодный ветер пробирал до костей. Куртка промокла насквозь, и тело била мелкая дрожь, но внутри было ещё холоднее — там, где раньше жил свет, теперь зияла пустота. Он был опять один. Совсем один.

Вечером, в восемь часов, Марк сидел за столом в своей комнате, пытаясь сосредоточиться на домашнем задании. Цифры и буквы расплывались перед глазами, а мысли то и дело возвращались к утреннему прощанию. Телефон, лежащий на столе, завибрировал — на экране высветилось имя «Никита». Марк смотрел на него, но не решался взять трубку. Он боялся, что если услышит голос брата, то сломается окончательно. Он просто не мог сейчас говорить.

Через минуту телефон затих, но тут же раздался звонок

уже на домашний — бабушка сняла трубку в коридоре.

— Никитушка, — услышал Марк её голос, — ты уже до-
ехал?.. Да-да, он дома, делает уроки... Просто не подошёл
к телефону? Наверное, занят. Не переживай, я передам, что
ты звонил... Хорошо, милый. Береги себя.

Бабушка положила трубку и заглянула в комнату Марка.

— Он звонил, — сказала она мягко. — Спрашивал о тебе.
Почему ты не взял?

— Я не мог, — ответил Марк, не поднимая глаз. — Я бо-
ялся разрыдаться при нём.

Вера Степановна вздохнула, подошла и погладила его по
голове.

— Ты имеешь право плакать, Маркушка. Ты не обязан
быть сильным всё время.

Она вышла, прикрыв за собой дверь.

Ночью, когда дом затих, Марк позволил себе то, чего не
мог позволить днём. Он лёг на кровать, уткнулся лицом в
подушку и зарыдал — глухо, отчаянно, до боли в горле. Он

вспоминал бабушку Анну, её добрые глаза и тёплые руки; вспоминал дедушку Виктора, его строгий, но любящий голос; вспоминал Дашу, её улыбку, которая теперь существовала только в его памяти. И теперь Никита — его последний близкий человек, его брат, его опора — уехал далеко-далеко.

Он плакал долго, пока не кончились слёзы. Потом он сел на кровати, вытер мокрое лицо и посмотрел в окно. За стеклом кружил мелкий снег — первый снег в этом году. Он падал на грязный асфальт, на крыши домов, на голые ветви деревьев, и казалось, что весь мир замирает, слушая его молчаливый плач.

И в эту минуту Марк вдруг понял, почему Серёжа так озлобился. Он был поглощён одиночеством — тем же самым липким, беспросветным одиночеством, которое сейчас сжимало горло Марка. Серёжа тоже был брошен, забыт, оставлен наедине со своей болью. И эта боль превратила его в чудовище.

Марк закрыл единственный глаз и прошептал в темноту:

— Я не стану таким, Серёжа. Я не позволю одиночеству сломать меня. Я буду жить. Ради Никиты. Ради бабушки. Ради Лены. Ради всех, кто верит в меня.

Он лёг на подушку, прижав к груди старую гитару, и долго смотрел, как за окном кружатся снежинки. Где-то там, за горизонтом, в Минске, его брат начинал новую жизнь. И Марк знал, что однажды они снова встретятся. А пока — он должен идти своим путём. Пусть трудным, пусть одиноким, но своим.

И он уснул, впервые за долгое время без кошмаров. Потому что даже в самой тёмной ночи всегда есть обещание рас-света.

Глава 2. Голос в трубке

Утро 12 октября выдалось таким же серым и промозглым, как и предыдущее. Марк проснулся оттого, что за окном кто-то громко ругался — соседи не поделили парковочное место. Он лежал, глядя в побеленный потолок, и чувствовал, как ночная пустота медленно отпускает его, уступая место тупой, тягучей боли. В груди всё ещё свистело — остаточное явление после вчерашнего бега за поездом. Он нашарил на тумбочке ингалятор, сделал два глубоких вдоха и сел на кровати.

Телефон лежал рядом. На экране — три пропущенных от Никиты и одно сообщение: «Брат, я добрался. Аня встречала. Всё хорошо. Позвони, когда сможешь. Люблю тебя.»

Марк провёл пальцем по экрану, но перезванивать не стал. Не сейчас. Сначала нужно было сделать кое-что другое, то, что он откладывал слишком долго.

Он открыл контакты, нашёл имя «Серёжа» — тот самый номер, который остался ещё с московских времён. Пальцы на мгновение замерли над кнопкой вызова. Он знал, что Серёжа теперь другой. Что он возглавляет банду, что он хочет отомстить, что он уже едва не убил его и Никиту. Но Марк

понимал: если он не попытается остановить это сейчас, то потом будет поздно.

Он нажал вызов.

Гудки были долгими, тягучими. На четвёртом — ответили. Но в трубке было тихо, только чужое, тяжёлое дыхание.

— Серёжа? — сказал Марк, и голос его чуть дрогнул, но он заставил себя говорить твёрдо. — Это Марк. Не клади трубку, пожалуйста. Мне нужно поговорить с тобой.

Молчание. Потом голос — холодный, сухой, неузнаваемый.

— Ты смеешь мне звонить? После того, что сделал?

— Я знаю, что смею, — ответил Марк. — И я знаю, что ты имеешь право злиться. Ты имеешь право ненавидеть меня. Я тебя бросил. Я уехал и даже не позвал с собой. Я думал, что так будет лучше, что ты начнёшь новую жизнь без нас, что тебе будет легче. Я ошибался. Это была самая большая ошибка в моей жизни.

Серёжа усмехнулся — сухо, без радости.

— Ты ошибался? Ты, Марк, который всегда знал, как поступить, который спас меня от отца, который сказал, что я не один. А потом исчез, как будто меня и не было. Как будто я был пустым местом.

— Я знаю, — сказал Марк, и в его голосе послышалась боль, неподдельная, глубокая. — Я не оправдываюсь. Ты прав. Я был занят собой, своей болью, своим братом. Я забыл, что ты тоже нуждался во мне. Я не заботился о тебе, Серёжа. И это моя вина.

Марк замолчал на мгновение, собираясь с мыслями. Потом продолжил, и его голос стал хриплым от сдерживаемых слёз:

— Я прошу у тебя прощения. Я знаю, что слова ничего не стоят. Но я хочу, чтобы ты знал: я никогда не хотел причинить тебе боль. Я был слаб. Я испугался, что если я останусь в Москве, прошлое снова настигнет меня. Я убежал, как трус. И я готов понести за это наказание. Ты можешь сделать со мной что угодно. Ударить, избить, даже убить — если это утолит твою злость. Но я прошу тебя, Серёжа... не трогай Никиту. Он ни в чём не виноват. Он хотел, чтобы ты поехал с нами, но я сказал, что это опасно. Я запретил ему звать тебя. Всю вину неси я один.

Серёжа молчал. В трубке слышно было только его дыхание — ровное, но чуть сбитое.

— Ты предлагаешь мне свою жизнь в обмен на его? — наконец спросил он, и в голосе его прозвучала странная, почти удивлённая нота.

— Да, — твёрдо ответил Марк. — Если ты хочешь мести — я приму её. Я приеду к тебе. Я встану перед тобой и твоими людьми. Ты можешь делать со мной что хочешь. Я готов получить от тебя и от твоего отца. Только не причиняй боль невиновным. Никита, Аня, их будущий ребёнок — они не имеют отношения к тому, что я сделал. Они заслуживают жить.

Тишина затянулась. Марк слышал, как за окном шумит ветер, как где-то вдалеке лает собака. Он ждал.

— Ты действительно готов умереть ради него? — спросил Серёжа, и его голос стал мягче, в нём проскользнуло что-то похожее на боль.

— Я готов на всё, чтобы ты не сломался окончательно, — ответил Марк. — Потому что я знаю, каково это — быть одному. Я сам сейчас чувствую то же самое, что и ты. Никита уехал. Бабушка стара. Даша умерла. Дедушка убит. Я остался

один. И я знаю, как это — когда тебя предают, когда тебя бросают. Я не хочу, чтобы ты превратился в того, кого ты ненавидишь. Ты был моим другом, Серёжа. Ты спас меня, когда я сходил с ума от потери памяти. Ты искал меня, когда я исчез. Ты был рядом. И я предал тебя. Но я прошу тебя: не становись монстром. Ты лучше этого.

В трубке слышалось что-то похожее на всхлип. Серёжа дышал тяжело, и когда он заговорил, голос его дрожал.

— Ты не представляешь, что я сделал... Я ударил тебя ножом. Я выколол тебе глаз. Я сжёг твой дом. Я хотел убить тебя. А ты звонишь мне и просишь прощения? Ты просишь прощения у меня?

— Да, — сказал Марк. — Потому что я знаю, что всё это — результат моей ошибки. Если бы я не бросил тебя, ты бы не стал таким. Если бы я был рядом, ты бы не утонул в этой тьме. Я виноват. И я хочу исправить это. Если ты позволишь, я приеду к тебе. Мы поговорим. По-настоящему. Ты и я.

Серёжа замолчал надолго. Марк слышал, как он ходит по комнате, как где-то падает что-то тяжёлое. Потом раздался глухой, сдавленный звук — словно Серёжа ударил кулаком о стену.

— Не приезжай, — наконец сказал он. — Я не могу сейчас... я не готов. Я не знаю, кем я стал. Я боюсь себя. Я боюсь, что если ты приедешь, я сделаю что-то непоправимое. Дай мне время. Я позвоню сам. Когда... когда разберусь в себе.

— Хорошо, — сказал Марк, и в его голосе послышалось облегчение. — Я буду ждать. Сколько нужно. И знай: я не держу на тебя зла. За глаз, за пожар — я прощаю тебя. Потому что я понимаю, что ты страдал. И я хочу, чтобы ты тоже простил себя.

Тишина. Потом Серёжа выдохнул, почти беззвучно, и сказал:

— Я позвоню. Не отключай телефон. И... береги себя, Марк.

Он сбросил вызов.

Марк сидел на кровати, глядя на экран телефона, где светилось «Вызов завершён». Дрожащими руками он положил его на тумбочку и выдохнул. Боль в груди, которая сжимала его всё утро, наконец-то немного отпустила. Он не знал, что будет дальше. Может быть, Серёжа снова исчезнет в своей тьме. Может быть, он позволит своей ненависти уничто-

жить всё, что осталось. Но Марк сделал первый шаг. Он попытался.

Бабушка вошла в комнату, неся кружку с горячим чаем. Она взглянула на осунувшееся лицо внука, на его красные глаза и тихо спросила:

— Ты звонил Серёже?

— Да, — ответил Марк, беря кружку в руки. — Я попросил у него прощения.

Вера Степановна села рядом и погладила его по голове.

— Ты поступил правильно, Маркушка. Даже если он не простит, ты поступил правильно.

Марк прижался к бабушке и закрыл глаз. За окном продолжал кружить снег, и где-то вдаль, за горизонтом, его брат начинал новую жизнь, а он, Марк, оставался здесь, чтобы разбираться с последствиями своих ошибок. Но впервые за долгое время он чувствовал не безысходность, а тихую, упрямую надежду.

Надежду на то, что даже самые тёмные души могут найти путь к свету.

Глава 3. Следствие и прощение

Бабушка Вера замерла, держа руку на плече Марка. Она смотрела на него, и в её глазах мелькнула усталая мудрость — та самая, которая приходит только с годами и пережитыми потерями. Она знала, что сейчас её внук не просто спрашивает о полиции. Он спрашивает, как сохранить человеческое лицо, когда мир вокруг рушится.

— Садись, Маркушка, — сказала она, усаживаясь напротив него на старый, скрипучий стул. — Давай поговорим спокойно.

Марк сел на кровать, сжимая кружку с остывшим чаем. Его единственный глаз был красным, опухшим от слёз, но в нём горела решимость. Он хотел исправить то, что натворил. Или хотя бы попытаться.

— Бабушка, полиция уже знает, что Серёжа поджёт «Империю». Они ищут его. Если они его поймают, его посадят. Надолго. Он сломается там окончательно. Он и так уже сломан, а в тюрьме он станет монстром. Я не хочу этого.

— Ты боишься за него, — констатировала Вера Степанов-

на.

— Боюсь, — честно признался Марк. — И за него, и за себя. Полиция не поймёт, что я тоже виноват. Они увидят только то, что он сделал. А я хочу, чтобы они поняли: он не просто преступник. Он жертва. Жертва обстоятельств. Жертва моего предательства.

Бабушка вздохнула, поправила платок и заговорила тихо, но твёрдо:

— Марк, ты не можешь взять на себя чужую вину. То, что Серёжа сделал, — это его выбор. Ты не заставлял его брать нож. Ты не заставлял его жечь здание. Но я понимаю, что ты чувствуешь. Ты считаешь, что должен был быть рядом. И в этом ты прав.

— Так что мне делать? — спросил Марк, и голос его дрогнул. — Если я расскажу полиции правду — что я бросил его, что я не заботился о нём, что я виноват в том, что он стал таким, — они меня не поймут. Они скажут: «Ты ребёнок, ты не отвечаешь за поступки других». Но я отвечаю. Потому что я знаю, что такое одиночество. Я знаю, как оно меняет человека.

Вера Степановна протянула руку и сжала его ладонь.

— Есть один способ, — сказала она. — Но он потребует от тебя мужества. Ты должен пойти в полицию сам. Не как свидетель, а как человек, который хочет помочь следствию. Ты расскажешь им всё — о своей дружбе с Серёжей, о том, как вы расстались, о том, как он страдал. Ты скажешь, что понимаешь его боль и что готов помочь ему, если он согласится на лечение и на раскаяние.

Марк смотрел на бабушку, и в его глазах мелькнула надежда.

— Они послушают меня?

— Если ты будешь говорить честно, — ответила она. — Если ты скажешь им, что Серёжа не просто преступник, а человек, который нуждается в помощи. И если ты предложишь им план: Серёжа сдаётся добровольно, признаёт свою вину, но получает не тюремный срок, а направление на принудительное лечение и реабилитацию.

— Но у меня нет права предлагать такие вещи, — возразил Марк. — Я не юрист. Я не судья.

— У тебя есть право говорить правду, — сказала бабушка. — А правда иногда сильнее любых законов. И если ты

сможешь донести до следствия, что Серёжа действовал не из злобы, а из отчаяния, они могут пойти навстречу. Особенно если он сам согласится на это.

Марк задумался. Он смотрел в окно на серое небо, на снег, который всё ещё кружил за стеклом, и чувствовал, как внутри него поднимается что-то новое — не страх, не боль, а твёрдая решимость.

— Я сделаю это, — сказал он наконец. — Я пойду в полицию. Но сначала... сначала я должен сказать Серёже, что я хочу сделать. Он должен знать, что я не предаю его снова.

Он взял телефон и набрал номер Серёжи. Гудки были долгими, и Марк уже думал, что тот не ответит. Но на пятом гудке трубку подняли.

— Что тебе нужно? — голос Серёжи был хриплым, будто он не спал всю ночь.

— Серёжа, я хочу пойти в полицию, — сказал Марк без предисловий. — Я хочу рассказать им правду. Всю правду. О том, что я тоже виноват в том, что случилось. О том, что ты не просто преступник. И я хочу предложить им план — чтобы ты сдался добровольно, признал свою вину и получил направление на лечение вместо тюрьмы.

Серёжа молчал долго. Потом его голос стал тихим, почти безжизненным.

— Ты хочешь, чтобы я сдался? Чтобы я сидел в психушке?

— Я хочу, чтобы ты получил шанс, — твёрдо ответил Марк. — Шанс, которого у тебя не было. Шанс не стать тем, кого ты ненавидишь. Если ты сдашься сам, если ты признаешь свою вину и согласишься на лечение, у тебя будет будущее. А если ты будешь прятаться и дальше — ты либо погибнешь, либо сядешь в тюрьму на долгие годы. Ты этого хочешь?

Серёжа засмеялся — горько, надрывно.

— Ты думаешь, я заслуживаю будущего? После того, что я сделал?

— Я думаю, что каждый заслуживает второго шанса, — сказал Марк. — Даже я, который бросил тебя. Даже ты, который ударил меня ножом. Мы оба ошиблись, Серёжа. Но мы можем исправить это. Если ты согласишься.

Молчание. Затем Серёжа выдохнул — тяжело, с болью.

— Я не знаю, смогу ли я доверять тебе снова, Марк. Ты уже один раз бросил меня.

— Я знаю, — ответил Марк, и голос его дрогнул. — И я не прошу, чтобы ты доверял мне сразу. Я прошу только об одном — дай мне шанс доказать, что я изменился. Я пойду в полицию, я скажу им правду. И если ты решишь сдать, я буду рядом. Я не оставлю тебя, как оставил тогда. Я обещаю.

Серёжа молчал. Потом раздался всхлип — короткий, сдвленный.

— Я подумаю, — сказал он. — Дай мне время.

— Дам, — ответил Марк. — Но не тяни, Серёжа. Полиция не будет ждать вечно. Позвони мне, когда примешь решение. Я буду ждать.

Он сбросил вызов и посмотрел на бабушку. Та сидела молча, глядя на него с гордостью и болью.

— Ты поступил правильно, Маркушка, — сказала она. — Ты дал ему выбор. Теперь осталось только ждать.

Марк кивнул, но в его глазах была тревога. Он знал, что время работает против них. Полиция уже ищет Серёжу, и

каждый день — это риск того, что его найдут первыми. Но он также знал, что если он пойдёт в полицию сейчас, до того, как Серёжа согласится, — он предаст его снова.

— Я буду ждать, — сказал он тихо. — Но если он не позвонит через три дня, я пойду сам. Я не дам ему умереть в этой тьме.

Он откинулся на спинку кровати, прижимая к груди телефон. За окном кружил снег, и весь мир казался белым и чистым, как новый лист бумаги. Марк закрыл единственный глаз и позволил себе надеяться. Надеяться на то, что даже самые тёмные души могут найти путь к свету. Если кто-то протянет им руку.

И он был готов протянуть эту руку.

Глава 4. Луч рассвета

Утро следующего дня встретило Марка не серой мглой, а мягким, рассеянным светом. Солнце пробивалось сквозь редкие облака, и его лучи, преломляясь о заснеженные ветви деревьев, отбрасывали на стены комнаты причудливые золотистые узоры. Марк сидел на кухне, сжимая в руках кружку с горячим чаем, и смотрел, как бабушка Вера хлопочет у плиты. Пахло оладьями, топлёным маслом и мятой — запахами, которые всегда ассоциировались у него с домом. С уютом. С безопасностью.

Он молчал уже почти час, просто наблюдая за ней. Она двигалась плавно, неторопливо, иногда поправляла выбившуюся из-под платка седую прядь и тихо напевала что-то себе под нос. Что-то старинное, мелодичное, от чего на душе становилось теплее.

— Бабушка, — наконец сказал Марк, и голос его был тихим, почти застенчивым, как у маленького мальчика, который боится, что его не поймут. — Можно я скажу тебе кое-что?

Вера Степановна обернулась от плиты, вытирая руки о пе-

редник. В её глазах уже была улыбка — та самая, тёплая и понимающая, которая всегда появлялась, когда Марк хотел сказать что-то важное.

— Конечно, Маркушка. Говори.

Марк опустил взгляд на кружку, провёл пальцем по ободку, собираясь с мыслями. Потом поднял глаза и встретился с ней взглядом. Единственный глаз его был влажным, но в нём горел ровный, тихий огонь.

— Ты очень похожа на дедушку, — сказал он, и голос его дрогнул. — Не внешне. Внутри. Такая же мудрая. Такая же добрая. Когда ты говоришь со мной, мне кажется, что это он сидит рядом. Что он просто ждал, пока я успокоюсь, и вот-вот скажет что-то своё, дедовское, от чего становится легче.

Вера Степановна замерла. В её руках, держащих сковороду, на миг дрогнула, и она поставила её на плиту, медленно опускаясь на стул напротив Марка. Она смотрела на него, и в уголках её глаз блеснули слёзы, но она не давала им упасть.

— Я очень скучаю по нему, бабушка, — продолжал Марк, и голос его стал хриплым, как будто каждое слово давалось ему с большим трудом. — Иногда я представляю себе, что он просто уехал по делам. Что вот-вот откроется дверь, он

войдёт — в своём старом пальто, с газетой в руке — и скажет: «Ну что, парень, чай будешь?» И всё станет на свои места. Я знаю, что это глупо. Что его больше нет. Но я... я не могу отпустить его. Он был моим светом, бабушка. Он научил меня быть сильным. Он научил меня не сдаваться. И теперь, когда его нет, я чувствую, что должен сделать что-то хорошее. Что-то, что будет в память о нём.

Вера Степановна протянула руку и накрыла его ладонь своей. Рука её была тёплой, сухой, чуть шершавой — руки человека, который много работал руками и много любил сердцем.

— Он любил тебя, Марк, — сказала она тихо. — Больше, чем ты можешь себе представить. Когда он узнал, что ты его внук, он чуть с ума не сошёл от радости. Он говорил мне: «Вера, я нашёл его. Я нашёл мальчика, который достоин всего самого лучшего». И он был прав.

Марк сглотнул ком в горле.

— Я хочу сделать что-то в его честь, — сказал он, и в голосе его появилась твёрдость. — «Империя» сгорела. И, наверное, это к лучшему. Там было слишком много боли, слишком много теней. Но я не хочу, чтобы место дедушки просто исчезло. Я хочу построить новое здание. Новое ме-

сто. И назвать его «Луч рассвета».

Вера Степановна удивлённо подняла брови.

— «Луч рассвета»? — переспросила она.

— Да, — сказал Марк, и его единственный глаз загорелся той самой искрой, которую она так хорошо знала. — Знаешь, почему я выбрал это имя? Потому что рассвет — это всегда начало. Это время, когда тьма отступает, а свет пробивается сквозь тучи. Дедушка был для меня таким светом. Он показал мне, что даже когда кажется, что всё кончено, есть надежда. Есть новый день.

Он наклонился вперёд, и в голосе его зазвучала почти детская восторженность:

— Я хочу, чтобы «Луч рассвета» стал местом, где будет всё самое лучшее. Не казино, не подпольные игры. Я хочу сделать там центр помощи. Для детей, для подростков, для всех, кто потерял надежду. Чтобы они могли прийти и почувствовать, что они не одни. Чтобы у них был шанс начать новую жизнь, как когда-то он дал этот шанс мне.

Бабушка смотрела на него, и её глаза были влажными, но в них светилась та самая гордость, которую он так хорошо

ПОМНИЛ.

— Ты думаешь, у тебя получится? — спросила она тихо.

— Я не знаю, — честно признался Марк. — Но я должен попытаться. Если я не попытаюсь, я буду чувствовать себя трусом. А я не хочу быть трусом. Он научил меня быть смелым. Он научил меня не сдаваться. И я хочу, чтобы его память жила не в пепле, а в чём-то хорошем. В чём-то, что приносит людям свет.

Он замолчал, переводя дыхание, и вдруг добавил:

— И знаешь, что самое главное? Я хочу, чтобы «Луч расвета» был не просто зданием. Я хочу, чтобы он был символом. Символом того, что даже после самой тёмной ночи наступает рассвет. Что всегда есть шанс начать всё сначала. Что мы не обязаны оставаться в тени, которую нам оставило прошлое.

Вера Степановна встала, подошла к нему и обняла, прижимая его голову к своей груди. Она пахла мятой, домашним теплом и той особенной бабушкиной добротой, которую не спутаешь ни с чем.

— Ты у меня удивительный, Маркушка, — сказала она,

и голос её дрожал. — Ты прошёл через ад, а в твоём сердце остался свет. Дедушка гордился бы тобой. Я знаю это.

Марк обнял её в ответ, чувствуя, как по его щеке скатывается слеза. Но это была не слеза боли. Это была слеза надежды.

— Я хочу начать строить, бабушка, — сказал он, чуть отстраняясь. — Как только решу всё с Серёжей. Я не могу оставить это дело незакрытым. Но потом... потом я сделаю «Луч рассвета». И, может быть, однажды он станет тем местом, куда люди будут приходить за теплом. Как к дедушке.

Бабушка сжала его плечи и посмотрела в его единственный глаз — тёплый, живой, полный решимости.

— Мы сделаем это вместе, — сказала она. — Я помогу тебе. Чем смогу. Только пообещай мне одно: не забывай, что ты тоже заслуживаешь света. Не только другие.

Марк улыбнулся — впервые за долгие недели искренне, светло.

— Обещаю, — сказал он.

Они сидели на кухне, пили чай с оладьями, и за окном

кружился первый снег. Он падал на голые ветви деревьев, на крыши домов, на мокрый асфальт, и казалось, что весь мир замирает, слушая их разговор. Где-то далеко, в Минске, звонил телефон Никиты, и он снимал трубку, улыбаясь, хотя его брат ещё не знал, что сегодня Марк принял самое важное решение в своей жизни.

Марк смотрел на снег, на уходящие вдаль улицы, на серое небо, которое начинало разрываться тонкими золотыми полосами, и чувствовал, как внутри него рождается новый день. День, в котором есть место и боли, и надежде, и свету. И он знал — он справится. Потому что он — Марк. Потому что у него есть бабушка, есть брат, есть те, кто верит в него. Потому что даже в самых тёмных ночах всегда наступает рассвет.

Глава 5. Возвращение домой

День клонился к вечеру, когда в дверь постучали. Ровно три коротких удара — привычка, которая осталась у людей старой закалки. Марк сидел на кухне и разбирал старые фотографии, которые нашёл в комодке бабушки. На одной из них — молодой Виктор Степанович, улыбающийся, с гитарой в руках. Рядом с ним стояла Вера Степановна — совсем юная, с длинными тёмными волосами и счастливыми глазами. Между ними, на руках у матери, сидел крошечный мальчик с белыми, почти прозрачными волосами. Марк провёл пальцем по его лицу, чувствуя, как в груди разрастается странное, щемящее тепло.

— Бабушка, это ты? — спросил он, показывая фотографию.

Вера Степановна подошла, взглянула и улыбнулась той особенной улыбкой, которая всегда появлялась, когда она вспоминала прошлое.

— Это я, Маркушка. А это твой дедушка. А это... — она запнулась, и голос её дрогнул. — Это Аркаша. Мой младший сын.

— Аркаша? — удивился Марк. — У тебя был ещё один сын? Ты никогда не рассказывала.

Вера Степановна опустила глаза, и в них мелькнула та самая боль, которую она так тщательно скрывала долгие годы.

— Это долгая история, Марк. Я не хотела беречь старые раны.

В этот момент раздалась те самые три удара. Бабушка подошла к двери, накинула на плечи шаль и открыла. За порогом стоял Аркадий Сергеевич — в строгом чёрном пальто, с влажными от снега плечами. Он выглядел уставшим, осунувшимся, и в его тёмных глазах горела странная смесь боли, надежды и страха.

— Здравствуйте, — сказал он тихо, чуть хриловато. — Простите, что без предупреждения. Мне нужно было... мне нужно было кое-что сказать. Марку. И вам.

Вера Степановна смотрела на него, и её лицо медленно бледнело. Она вглядывалась в его черты, в разрез глаз, в линию губ, и что-то в ней дрогнуло — давнее, почти забытое.

— Аркаша? — прошептала она, и голос её сорвался. —

Аркаша, это ты?

Он шагнул вперёд, и свет из прихожей упал на его лицо, высвечивая морщины, которые стали глубже, и седину, которая тронула виски. Но глаза остались теми же — тёмными, глубокими, полными той же любви, которую он носил в себе все эти годы.

— Здравствуй, мама, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я так долго искал тебя. Я так долго хотел сказать... что я не ушёл из-за тебя. Я ушёл из-за брата. Чтобы он был счастлив. Чтобы он мог любить ту, которую любил я.

Вера Степановна покачнулась, схватилась за косяк, и Марк вскочил, подбегая к ней. Но она не упала. Она смотрела на сына — на своего младшего сына, которого она считала потерянным навсегда.

— Ты ушёл, — прошептала она. — Ты просто исчез. Я искала тебя везде. Я думала, что ты умер.

— Я жив, мама, — сказал Аркадий, и слёзы потекли по его щекам. — Я жив и я здесь. Я пришёл, чтобы всё рассказать. Чтобы попросить прощения. Чтобы быть рядом. Наконец-то.

Он перевёл взгляд на Марка, который стоял, прижимаясь

к бабушке, и его лицо было бледным. В единственном глазу Марка металась растерянность и страх.

— Марк, — сказал Аркадий, подходя ближе. — Я знаю, что это звучит странно. Но я должен тебе сказать правду. Я не просто твой классный руководитель. Я твой отец. Официальный отец. Я оформил документы, когда ты ещё был совсем маленьким. Я ушёл из дома, чтобы дать возможность твоему дяде Андрею быть счастливым. Он тоже любил Елену. И я не хотел становиться между ними. Я ушёл, чтобы он мог её любить. А когда она уехала в Москву, я поклялся найти вас. Найти тебя и Никиту. Я искал вас долгие годы. И когда я увидел тебя в школе... я сразу понял. Ты — мой сын.

В комнате повисла гробовая тишина. Марк смотрел на учителя, на его лицо, на его глаза, и в его голове проносились обрывки воспоминаний. Станный взгляд в классе. Слезы, которые он прятал. Забота, которая казалась слишком тёплой для простого учителя.

— Это ты... — прошептал Марк. — Ты мой отец? Но я думал, что мой отец — Андрей. Что он погиб.

— Андрей был твоим дядей, — сказал Аркадий, и голос его был полон боли. — Он был моим старшим братом. Я уступил ему Елену, потому что я любил его. И я любил её.

Но я знал, что она выбрала его. Я не хотел становиться причиной их раздора. Я ушёл, чтобы они могли быть вместе. Но когда Андрея убили, я поклялся найти вас. Ты и Никита — вы моя кровь. Вы моя семья. И я не хочу больше терять вас.

Вера Степановна сделала шаг вперёд, протянула руку и коснулась лица сына — такого родного, такого долгожданного.

— Аркаша, — сказала она, и голос её дрожал. — Сколько лет я тебя ждала. Сколько ночей я молилась, чтобы ты был жив. Я прощаю тебя. Я всегда прощала тебя. Ты мой сын. Мой младший сын. И я люблю тебя.

Аркадий упал перед ней на колени, обнял её ноги, прижимаясь лицом к её платью, и зарыдал. Громко, по-детски, отчаянно — так плачут только те, кто слишком долго носил в себе боль и наконец позволил ей выйти наружу.

— Прости меня, мама, — шептал он. — Прости, что я ушёл. Прости, что я не писал. Я не мог. Я боялся, что если вернусь, то всё испорчу. Я хотел, чтобы ты была счастлива. Чтобы ты не выбирала между нами.

Вера Степановна обняла его, прижимая к себе, и они стояли так — мать и сын, потерянные и найденные, плачущие

и смеющиеся одновременно.

Марк смотрел на них, и его сердце билось где-то в горле. Он не знал, что чувствовать. Радость? Боль? Растерянность? Он только что узнал, что его учитель — его отец. Что его настоящий отец был не убийцей, а человеком, который уступил свою любовь брату, чтобы тот был счастлив.

— Значит, ты... — сказал Марк, и голос его был хриплым. — Ты всегда знал, что я твой сын? Когда ты пришёл в школу, ты знал?

Аркадий поднял голову, вытирая слёзы. Он смотрел на Марка, и в его глазах была такая же любовь, как у бабушки, как у дедушки.

— Я знал, — сказал он. — Я искал тебя и Никиту. Я искал вас годы. Когда я нашёл тебя, я хотел подойти, обнять, сказать всё сразу. Но я боялся. Боялся, что ты не примешь меня. Что ты будешь ненавидеть меня за то, что я исчез. Я решил сначала быть рядом, узнать тебя. Я хотел, чтобы ты сам понял, что я — не чужой.

Марк стоял, глядя на него, и внутри него боролись тысячи эмоций. Но в центре этого водоворота была одна — тёплая, тягучая, как мёд. Он шагнул вперёд и обнял учителя. Своего

отца.

— Папа, — прошептал он, и это слово сорвалось с его губ легко, как будто он ждал этого момента всю свою жизнь.

Аркадий обнял его в ответ, чувствуя, как его сердце разрывается от счастья.

— Я люблю тебя, сын, — сказал он. — Я всегда любил тебя. И я никогда больше не оставлю тебя.

Они стояли втроём — бабушка, отец, внук — и за окном кружился снег. Белые хлопья падали на землю, укрывая её чистым, нетронутым покрывалом. И казалось, что этот день навсегда останется в их памяти — днём, когда семья наконец-то воссоединилась.

А где-то в Минске, в маленькой уютной квартире, Никита держал телефон в руках и улыбался, глядя на фотографию, которую только что прислал Марк — на ней были они втроём: бабушка, Марк и высокий мужчина в чёрном пальто. Он не знал ещё, кто этот человек. Но он чувствовал, что сегодня произошло что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Глава 6. Исповедь отца

Они сидели на кухне — бабушка Вера, Марк и Аркадий. За окном уже стемнело, и в комнате горела только одна лампа, отбрасывая тёплый, уютный свет на старенький деревянный стол. На столе стояли три чашки с чаем, тарелка с печеньем, которое бабушка испекла ещё утром, и старая фотография, которую Марк держал в руках — на ней были двое мальчишек: один с тёмными волосами, другой — светловолосый и серьёзный.

Аркадий взял фотографию в руки, провёл пальцем по лицам и долго молчал. Потом поднял глаза — тёмные, влажные, в которых отражалась боль, которую он носил в себе десятилетиями.

— Это мы, — сказал он тихо. — Я и Андрей. Мне тогда было шесть, ему — десять. Мы были неразлучны. Как вы с Никитой, Марк. Мы спали в одной комнате, делили игрушки, защищали друг друга во дворе. Он был моим героем. Он всегда заступался за меня, когда я был маленьким и слабым. А я... я хотел быть похожим на него. Он научил меня читать, играть на гитаре, он показывал мне звёзды и рассказывал, что там, в небе, — целые миры, где можно жить без страха.

Аркадий замолчал, сглатывая ком в горле. Марк сидел напротив, не сводя с него глаз. Он видел, как дрожат руки отца, как его голос срывается, но он не перебивал. Он ждал.

— Когда он встретил Елену, я был счастлив за него, — продолжал Аркадий, и голос его стал глубже, тяжелее. — Она была невероятной. Светлой, тёплой, как солнце. И я... я тоже полюбил её. Я не хотел этого. Я пытался бороться с этим чувством, потому что знал, что она выбрала Андрея. Она смотрела на него так, как никто никогда не смотрел на меня. И я ушёл. Я не мог стоять между ними. Я знал, что если останусь, то рано или поздно моя любовь разрушит всё. Я не хотел причинять боль брату. Я ушёл, чтобы он мог быть счастлив.

Марк сжал кружку в руках, чувствуя, как её тепло согревает пальцы.

— Ты ушёл из дома? — спросил он тихо.

— Да, — ответил Аркадий. — Мне было восемнадцать. Я собрал рюкзак, взял немного денег и уехал в другой город. Я не сказал маме, куда еду. Я боялся, что если увижу её слёзы, то не смогу уйти. И я не писал. Я думал, что так будет лучше для всех. Что Андрей будет спокоен, что мама не будет

переживать, что Елена будет счастлива. Я ошибался. Я причинил боль всем, кого любил.

Вера Степановна сидела рядом, и по её щекам текли слёзы. Она не вытирала их — просто смотрела на сына и слушала.

— А потом... — Аркадий замолчал, и его плечи дрогнули. — Потом я узнал, что Андрей погиб. Я не был на похоронах. Я узнал об этом через месяц. И я... я закрылся в себе. Я боялся всего — каждого звонка, каждого шороха, каждого незнакомого взгляда. Мы были так близки, как вы с Никитой, Марк. Он был моей половиной. И когда его не стало, я будто потерял себя. Я стал тёмным, грустным, одиноким человеком. Я никому не доверял, никого не подпускал к себе. Я думал, что если я никого не люблю, то больше никогда не потеряю. Но я ошибался. Потому что я уже потерял всё.

Он поднял глаза на Марка, и в них была такая глубина боли, что у Марка сжалось сердце.

— Потом я узнал, что Елена родила сыновей. Двух мальчиков. Тебя и Никиту. Я искал её, Марк. Я искал её везде. Я ездил по городам, проверял архивы, спрашивал людей. Но она исчезла. Как будто растворилась в воздухе. И тогда я понял, что потерял и её. Навсегда. У меня не осталось никого,

кто бы был мне близок. Только память. И боль.

В комнате было тихо, только часы на стене мерно тикали, отсчитывая секунды. Марк смотрел на отца, и в его единственном глазу стояли слёзы.

— У меня нет другой любви, кроме Елены, — сказал Аркадий, и голос его сорвался. — Она была моим светом. Я носил её в сердце все эти годы. Я знал, что никогда не смогу полюбить другую женщину. Потому что она была единственной, кто понял меня. Кто видел во мне не просто младшего брата, а человека. И когда я потерял её, я потерял и себя.

Марк встал, подошёл к нему и положил руку на его плечо.

— Папа, — сказал он, и это слово вырвалось из него легко, как будто он ждал этого момента всю жизнь. — Ты не один. У тебя есть я. Есть Никита. Есть бабушка. Мы твоя семья. Мы всегда будем рядом.

Аркадий поднял на него глаза, и его лицо дрогнуло.

— Сын... — прошептал он. — Ты прощаешь меня? За то, что я ушёл? За то, что не был рядом?

Марк присел на корточки перед ним, взял его руки в свои

и посмотрел в глаза.

— Я прощаю тебя, — сказал он твёрдо. — Ты не виноват. Ты любил брата. Ты любил маму. Ты сделал то, что считал правильным. Я не держу на тебя зла. Я хочу, чтобы ты знал. у нас есть шанс начать всё сначала. Мы можем быть семьёй. Настоящей семьёй.

Вера Степановна подошла и обняла обоих — сына и внука.

— Мы вместе, — сказала она. — Теперь мы вместе. И я не позволю никому вас разлучить.

Аркадий закрыл глаза и позволил себе заплакать — впервые за долгие-долгие годы. Он плакал от облегчения, от боли, от радости. Он плакал, потому что наконец-то вернулся домой.

Марк обнимал его, чувствуя, как его собственное сердце наполняется теплом. Он знал, что впереди будет ещё много испытаний — Серёжа, организация «И», неизвестность. Но сейчас, в этот момент, он был счастлив. Потому что у него был отец. Настоящий отец, который любил его.

За окном продолжал кружить снег, и где-то вдалеке зажи-

гались огни города. А на кухне сидела семья — разлученная и найденная, потерянная и вновь обретённая. И в этом было главное чудо, которое могло случиться с человеком.

Глава 7. Голос из темноты

Ночь выдалась тревожной. Марк ворочался в кровати, прислушиваясь к каждому шороху. Отец остался у них — бабушка постелила ему в гостиной на старом диване, и Марк слышал, как он тоже не спит, тихо перебирает струны гитары, которую нашёл в комоде. Эта мелодия — грустная, тягучая — напоминала ему о дедушке. О том, как они сидели на кухне и пили чай, а за окном кружил снег.

Телефон завибрировал на тумбочке ровно в час ночи. Марк резко сел, схватил его и увидел на экране имя «Серёжа». Сердце пропустило удар.

— Алло? — прошептал он, стараясь не разбудить бабушку.

— Марк, — голос Серёжи был чужим. Не холодным, как в прошлый раз, а испуганным. Почти детским. — Ты должен меня слушать. У нас мало времени. Они не знают, что я звоню.

Марк прижал телефон к уху, чувствуя, как по спине пробегают холод.

— Что случилось? Ты в порядке?

— Нет, я не в порядке, — голос Серёжи дрожал. — Сегодня утром в группировке был переворот. Меня сместили. Вся власть теперь у Рыжего — ты его не знаешь, но он хуже меня в сто раз. Я думал, что контролирую ситуацию, но они всё решили за моей спиной.

Марк затаил дыхание.

— Они знают, что ты звонишь мне?

— Нет, но скоро узнают, — голос Серёжи стал почти неслышным. — Я согласился на это перемирие, Марк. Честно. Я хотел остановиться, я хотел... я хотел попробовать жить по-другому. Но они не согласны. Они хотят мести. Они хотят, чтобы ты страдал. Они уже составили план. И я... я не могу его остановить.

Марк почувствовал, как в груди начинает свистеть. Он нашарил ингалятор, сделал два глубоких вдоха и заставил себя дышать ровно.

— Что они хотят сделать?

— Они хотят уничтожить тебя, — сказал Серёжа, и его голос сорвался. — Не просто убить. Сначала сломать. Они хотят, чтобы ты потерял всё — семью, друзей, надежду. Они хотят, чтобы ты сам пришёл к ним и умолял о смерти. Они хотят снять это на видео и отправить твоему брату. Они знают про Никиту. Они знают про Аню.

Марк побледнел. Телефон дрожал в его руках.

— Но ты же можешь остановить их, Серёжа! Ты же их главарь!

— Был, — горько усмехнулся Серёжа. — Был, Марк. А теперь я просто их заложник. Я попытался воспротивиться — они пригрозили, что убьют меня и сделают вид, что это ты. Что ты пришёл мстить мне за глаз. А потом они пойдут за тобой. Легавые поверят, потому что у меня на теле есть твои следы — я сам ударил тебя ножом, и это легко подделать.

Марк закрыл единственный глаз, чувствуя, как мир начинает рушиться.

— Что мне делать?

— Единственное, что ты можешь сделать, — это слушать меня и делать всё, что я скажу, — голос Серёжи стал твёр-

же, но в нём проскальзывали нотки отчаяния. — Если ты попытаешься бежать или обратиться в полицию, они узнают. У них есть люди везде — в полиции, в администрации, в школе. Они всё контролируют. Если ты приедешь сюда — они убьют тебя. Если ты не приедешь — они убьют меня и скажут, что ты убил меня. Ты в ловушке, Марк. Мы оба в ловушке.

Марк сжал телефон так, что побелели костяшки.

— Ты сказал, что я должен делать. Говори.

— Завтра в полдень ты должен быть на старом кладбище, у южных ворот. Там будет машина. Ты сядешь в неё, и тебя привезут ко мне. Ты не должен брать с собой телефон, не должен никому говорить. Если ты возьмёшь полицию — мы оба умрём. Если ты возьмёшь кого-то из своих — мы оба умрём. Ты придёшь один, Марк. Это единственный шанс.

— А что потом? Что будет, когда я приду?

Серёжа помолчал. Его голос стал совсем тихим, почти молящим:

— Я не знаю, Марк. Я знаю только, что если ты не придёшь — они убьют меня. И пойдут за тобой. А если придёшь

— может быть, у нас будет шанс. Я не знаю, какой. Но я хочу попробовать. Я не хочу умирать, Марк. Я боюсь.

В трубке послышался всхлип.

— Я тоже боюсь, — сказал Марк. — Но я приду. Я обещаю. Я не дам тебе умереть, Серёжа. Ты — мой друг. И я не брошу тебя снова.

— Спасибо, — прошептал Серёжа. — Ты не представляешь, что для меня значит это. Даже если я умру — я умру, зная, что ты простил меня.

— Ты не умрёшь, — твёрдо сказал Марк. — Мы найдём выход. Я найду выход. Ты только держись.

В трубке послышался шум — кто-то крикнул вдалеке, и Серёжа зашептал быстрее:

— Мне пора. Они идут. Завтра. Полдень. Старое кладбище. Запомни — один, без телефона. И помни, Марк: я не хочу, чтобы ты умирал. Я хочу, чтобы ты жил. Даже если я не выживу — живи.

Он сбросил вызов.

Марк сидел на кровати, прижимая телефон к груди, и чувствовал, как его тело дрожит. В голове билась одна мысль: *«Я должен идти. Я не могу его бросить. Я не могу снова его предать»*.

Он встал, бесшумно прошёл в гостиную, где на диване спал отец. Аркадий лежал на спине, и его лицо во сне было спокойным — впервые за долгие годы. Марк смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается волна боли. Он только что нашёл отца. И теперь он должен был идти навстречу своей смерти.

Он не разбудил его. Он не хотел прощаться. Он знал, что если скажет правду, отец не отпустит его. А если не скажет — он предаст его доверие. Марк стоял в темноте, глядя на спящего отца, и шептал беззвучно:

— Прости меня, папа. Я должен. Если я не пойду — я никогда не смогу смотреть на себя в зеркало.

Он вернулся в свою комнату, сел за стол и написал короткую записку:

«Папа, бабушка. Я ушёл по очень важному делу. Не ищите меня. Я вернусь. Обещаю. Если я не вернусь — знайте, что я люблю вас. Марк».

Он положил записку на стол, взял куртку и бесшумно вышел из дома. За окнами всё ещё кружил снег, и город спал, укутанный белым покрывалом. Марк шёл по пустынным улицам, и его дыхание облачками таяло в морозном воздухе. Он знал, куда идёт. Он знал, что, возможно, это его последняя прогулка. Но он также знал, что у него нет выбора.

Потому что он — Марк. Потому что он не бросает своих. Даже если это стоит ему жизни.

Он шёл в темноте, и за ним, невидимая, следовала его тень. А впереди, на старом кладбище, его ждала встреча, которая могла стать последней.

Глава 8. Ловушка для ловушки

Марк шёл по пустынным ночным улицам, и снег хрустел под его кроссовками. Дыхание вырывалось облачками пара, а в груди всё ещё свистело — астма напоминала о себе после разговора с Серёжей. Но он не останавливался. Он знал, куда идёт. И он знал, что это единственный правильный путь.

Кладбище было ловушкой. Это он понял сразу, как только Серёжа сказал: *«Ты сядешь в машину»*. Не «придёшь», не «встретишься» — «сядешь в машину». Это означало, что его хотят похитить. Что Серёжа уже не контролирует ситуацию. Что его друг говорит под давлением, и каждое слово может быть продиктовано теми, кто стоит за его спиной.

Марк вспомнил голос Серёжи — испуганный, почти детский. Он говорил о перевороте, о новом главаре, о том, что его убьют, если Марк не подчинится. Но он также сказал: *«Единственное, что ты можешь сделать, — это слушать меня и делать всё, что я скажу»*. И это была ложь. Это была ложь, потому что Серёжа не мог говорить свободно. Его заставляли. И если Марк послушается, они оба погибнут.

Нет, он должен был действовать иначе.

Марк остановился у старого пятиэтажного дома на окраине города. На третьем этаже горел свет — значит, следовательно ещё не спал. Он знал этого человека — майора Кравцова, который вёл дело о смерти дедушки, о нападении банды, о пожаре в «Империи». Кравцов был сухим, въедливым, но справедливым. Он не любил, когда ему мешали по ночам, но он также не любил, когда преступники оставались безнаказанными.

Марк поднялся на третий этаж, постучал в дверь. Сначала тихо, потом громче. За дверью послышались шаги, и через мгновение она открылась. Кравцов стоял на пороге в старой майке и спортивных штанах, сонный, но уже настороженный.

— Марк? — удивился он, узнавая мальчика. — Ты чего в такое время? Что случилось?

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Марк, и голос его дрожал, но он заставил себя говорить твёрдо. — Это срочно. Это касается Серёжи и банды. Я знаю, что вы ищете их. Я могу помочь вам их найти. Но вы должны выслушать меня и поверить.

Кравцов помедлил, оглядел Марка — бледного, взволно-

ванного, с ингалятором, торчащим из кармана куртки, — и шагнул в сторону, пропуская его внутрь.

— Заходи. Рассказывай.

Марк вошёл в небольшую квартиру, пахнущую табаком и старыми книгами. Они сели на кухне, и Кравцов налил ему чай, хотя сам пил крепкий чёрный кофе.

— Я слушаю, — сказал он, садясь напротив.

Марк выдохнул, собираясь с мыслями, и начал. Он рассказал всё — о звонке Серёжи, о перевороте в банде, о новом главаре по кличке Рыжий, о том, что Серёжа теперь заложник и его заставляют заманить Марка в ловушку. Он рассказал о кладбище, о машине, о том, что его хотят похитить, а потом убить, и что Серёжа, скорее всего, тоже погибнет, если он не вмешается.

— Я знаю, что это ловушка, — сказал Марк, глядя в глаза следователю. — Я знаю, что Серёжа говорит под давлением. Он не хотел, чтобы я шёл на кладбище. Он хотел, чтобы я понял, что это западня. Но он не мог сказать это прямо, потому что его слушали. Он дал мне подсказку — сказал: «Сядешь в машину». Если бы он хотел просто встретиться, он бы сказал «приходи». Но он сказал «сядешь». Это значит,

что меня хотят похитить.

Кравцов слушал внимательно, не перебивая. Когда Марк закончил, он откинулся на спинку стула и задумчиво постукивал пальцами по столу.

— Ты уверен, что это не игра? Что он не пытается просто выманить тебя, чтобы отомстить?

— Уверен, — твёрдо сказал Марк. — Я знаю Серёжу. Он не такой. Он испугался по-настоящему. Он плакал в трубку. Он сказал: «Я не хочу умирать, Марк. Я боюсь». Это не игра.

Кравцов помолчал, потом поднялся, подошёл к окну и долго смотрел на спящий город. Когда он заговорил, голос его был ровным, но в нём чувствовалась решимость.

— Хорошо, Марк. Я тебе верю. Но ты должен понимать: если мы будем действовать, это будет сложная операция. Мы не можем просто прийти на кладбище и арестовать всех. Нам нужен план. И нам нужна твоя помощь.

— Я готов, — сказал Марк, и в его голосе зазвенела сталь.
— Я сделаю всё, что нужно.

— Вот что мы сделаем, — сказал Кравцов, садясь обрат-

но. — Завтра в полдень ты идёшь на кладбище. Как они и просили. Ты садишься в машину. Но мы будем следить за тобой. Мы поставим на тебя маячок, который невозможно обнаружить. И как только машина тронется, мы последуем за ней. Мы вычислим их логово, и тогда накроем всех разом. Твой друг Серёжа будет спасён, если он действительно не с ними. Но если он обманывает тебя, Марк...

— Он не обманывает, — перебил Марк. — Я знаю. Я чувствую.

Кравцов кивнул.

— Тогда решено. Сейчас я свяжусь с командой. А ты посиди здесь, отдохни. Через час мы всё подготовим. Ты не должен возвращаться домой — они могут следить за тобой. Ты останешься здесь до утра, а потом мы начнём операцию.

Марк кивнул, чувствуя, как усталость накатывает на него. Он прилёг на диван, который Кравцов постелил ему в гостиной, и закрыл глаз. Он знал, что завтра будет самый трудный день в его жизни. Но он также знал, что он не один. У него есть союзники. Есть план. Есть надежда.

И пока он засыпал, в его голове крутилась одна мысль: *«Я не дам тебе умереть, Серёжа. Я обещаю. Я найду тебя»

и вытащу из этой тьмы. Даже если для этого мне придётся пройти через ад»*.

Глава 9. Доверие проверенным

Кравцов проводил Марка до двери, всё ещё пытаясь переубедить его.

— Марк, ты уверен? Будет безопаснее, если ты останешься здесь до утра. Мы сможем подготовиться, установить маячок, проработать маршруты...

— Я понимаю, — ответил Марк, уже стоя на пороге. — И я благодарен вам за помощь. Правда. Но интуиция меня подводит. Что-то не так. Я не могу просто сидеть и ждать, пока всё решится за меня. Мне нужно самому быть уверенным, что я делаю правильный шаг.

Кравцов нахмурился, но спорить не стал.

— Хорошо. Тогда хотя бы возьми телефон. Если что-то пойдёт не так — звони сразу. Я буду на связи.

— Спасибо, — сказал Марк, сжимая протянутый следователем старый кнопочный телефон — такой, который сложно отследить. — Я позвоню, если что-то изменится.

Он вышел из подъезда, и ночной холод снова обнял его. Снег перестал, и небо прояснилось, усеявшись редкими звёздами. Марк стоял на улице, глядя на спящий город, и чувствовал, как внутри него закипает решение. Он не пойдёт домой. Не сейчас. Сначала он должен сделать кое-что важное.

Он свернул в переулок и быстрым шагом направился к окраине города, где в небольшом частном доме жили Пётр и Слава — те самые братья-охранники, которые работали в «Империи» с первого дня. Они были проверенными людьми. Они видели, как Марк рос, как боролся, как терял и находил. Они знали его историю и никогда не предавали.

Марк постучал в калитку. В доме зажёгся свет, и через минуту на пороге появился Пётр — в старой фуфайке, сонный, но уже настороже.

— Марк? Ты чего в такую рань? — спросил он, вглядываясь в лицо мальчика.

— Мне нужно поговорить с тобой и со Славой, — сказал Марк, и голос его был твёрже, чем он сам ожидал. — Это срочно. Это касается Серёжи и банды.

Пётр помедлил, потом кивнул и отступил, пропуская его

в дом.

В гостиной было тепло. Слава уже сидел за столом, наливая себе чай. Он поднял голову, увидел Марка и нахмурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.